

Вопрос так и остался без ответа. Бай Чэнцзюэ терпеливо обрабатывал раны Сюэ Бэйвана. Когда последний узел на свежей повязке был затянут, он взглянул в окно — предрассветные сумерки уже уступали место бледному утру.

Вдруг снаружи прилетел камешек, прорвал тонкую бумагу на раме и негромко покатился по полу. Бросив короткий взгляд на серый окатыш, Чэнцзюэ тихо вздохнул, бережно поправил одеяло спящего юноши и скользнул за дверь.

Неподалеку, на вершине декоративной горки, высилась темная фигура Е Гуя. Прижимая к груди меч, Теневой страж провожал господина тяжелым взглядом. Несколько раз он открывал рот, порываясь что-то сказать, но так и не решился — лишь упрямо сжал губы, отчего на переносице залегла глубокая складка.

Они знали друг друга больше десяти лет. Бай Чэнцзюэ без труда угадал затаенную тревогу в осанке слуги, однако спросил лишь о том, что занимало его мысли больше всего:

— Как Верховная принцесса?

Е Гуй легко спрыгнул на землю. Удерживая ножны одной рукой, он склонил голову:

— Не беспокойтесь. Она уже в безопасности, вернулась в свои покои.

Бай Чэнцзюэ облегченно улыбнулся.

— Хорошо. Мне придется задержаться здесь на какое-то время. Оставляю поместье на тебя.

Услышав это, Е Гуй не сумел скрыть вспыхнувшего недовольства. Слова предостережения, которые он долго копил в себе, сорвались с губ прежде, чем он успел их сдержать:

— По нашему уговору Сюэ Бэйван давно должен был гнить в могиле. Почему вы раз за разом проявляете эту глупую жалость?

— Ты смеешь указывать мне, как поступать? — голос Чэнцзюэ мгновенно заледенел.

— Пусть мои слова дерзки, но снадобье, меняющее ваше тело, нельзя принимать так часто! Выгода от союза с Сюэ Бэйваном не стоит вашего здоровья. Если у вас не поднимается рука на этого мальчишку... я сам избавлю вас от обузы.

С этими словами Е Гуй, презрев приказ господина, шагнул к дверям спальни. Он был полон холодной решимости — сегодня он был намерен во что бы то ни стало оборвать жизнь Сюэ Бэйвана.

За столько лет их безмолвного союза Бай Чэнцзюэ ни разу не нарушал намеченных планов ради кого-то со стороны. Но теперь, ради этого чужака, он ломал собственную игру. Е Гуй был убежден: если этот принц царства Чэнь выживет, он рано или поздно погубит великое дело князя Миня.

Преградив дорогу Теневому стражу, Чэнцзюэ встал на его пути. Тень, ослепленный преданностью и гневом, не стал медлить — сталь со свистом покинула ножны, целясь прямо в грудь хозяина.

Клинок рассыпался веером серебряных искр. Чэнцзюэ мягко качнулся назад, пропуская смертоносное острие в волоске от лица, и тут же сделал стремительный выпад снизу, подсекая соперника. Е Гуй попытался уклониться, но тот уже перехватил его запястье. Лезвие меча на долю секунды замерло у самого горла хозяина, но в то же мгновение он резким, точным движением вывернул Теневому стражу сустав.

Е Гуй глухо застонал. Боль обожгла плечо, рука безвольно повисла. Но Чэнцзюэ тут же рванул его на себя, с сухим щелчком вправляя кость на место. Пережив двойной болевой шок, Е Гуй покачнулся. Лицо его побелело, пальцы задрожали, упуская оружие. Меч со звоном упал на каменные плиты.

Оставшись беззащитным, Теневой страж замер. Чэнцзюэ отпустил его, неторопливо наклонился, поднял меч и вернул сталь в ножны.

— Тебе его не убить. Уходи.

Баюкая покалеченную руку, Е Гуй горько и вымученно усмехнулся:

— Вы хоть сами понимаете, что творите?

Бай Чэнцзюэ на миг замер, но вместо гнева он странно и пугающе улыбнулся. Сделав шаг вперед, он крепко взял Е Гуя за подбородок, заглядывая в самые зрачки:

— Знаешь, мне вдруг стало любопытно. Ты всё еще предан мне... или ты — лишь соглядатай, которого покойный император приставил следить за каждым моим вздохом? — Чэнцзюэ прижал большой палец к его нижней губе, заставляя разомкнуть челюсти. — Тот старый ублюдок подох больше десяти лет назад. Нити, которыми он когда-то управлял мной, теперь в моих руках. И я буду дергать за них так, как посчитаю нужным.

— Если тебя не устраивает то, как я веду дела — убирайся. Фигуры на доске расставлены, финал близок, и мне ничего не стоит отбросить собственную тень.

Чэнцзюэ резко оттолкнул слугу и закрыл глаза, глубоко вдыхая прохладный утренний воздух.

Е Гуй, шурша полами темного одеяния, опустился на одно колено:

— Моя дерзость перешла все границы. Прошу господина наказать меня.

— Обойдемся без наказаний, — Чэнцзюэ покачал головой. — Если хочешь остаться, возвращайся в поместье и занимайся своим делом. Если нет — собирай вещи и уходи навсегда. С глаз моих долой.

У Е Гуя перехватило дыхание, глаза подозрительно заблестели. За столько лет верной службы он впервые видел господина в таком неопишемом гневе. Превозмогая обиду, Теневой страж вытащил из-за пазухи небольшой фарфоровый флакон и протянул его Чэнцзюэ:

— Это новое снадобье для питания кожи и смены костей от лекаря Лэ. Если после приема пилюль вам снова станет худо, оно должно облегчить приступ.

Приняв подарок, Чэнцзюэ молча отвернулся. Е Гуй поднял свой меч, низко поклонился и тихо произнес:

— Позвольте откланяться.

Проводив взглядом исчезающего в рассветных сумерках Теневого стража, Чэнцзюэ наконец расслабился. Его лицо разгладилось, уступив место смертельной усталости. Он задумчиво вертел в руках прохладный флакон, поглаживая его подушечками пальцев.

Сколько он себя помнил, у него никогда не было возможности поступать по-своему. Вся его жизнь подчинялась одной цели: удержать трон для маленького императора Яньцю и защитить старшую сестру Цинли от дворцовых интриг.

И если вдуматься, во всем подлунном мире, за вычетом кровной родни, только глупый Сюэ Бэйван заботился о нем искренне, без всякой задней мысли.

Чэнцзюэ достал из широкого рукава пилюлю смены облика и проглотил ее. На этот раз он не почувствовал привычной раздражающей кости боли. Всё прошло пугающе мягко. Лекарь Лэ предупреждал его: если яд и снадобья перестанут причинять явные мучения, это будет самым скверным знаком.

Но когда всю твою жизнь за тебя решает кто-то другой, так трудно устоять перед единственным шансом проявить минутную слабость...

Бай Чэнцзюэ простоял на крыльце около получаса, дожидаясь, пока подействует лекарство. Снадобье вновь вернуло ему хрупкие, изящные очертания девицы Цзюэюй. Убедившись, что облик совершенен, он толкнул дверь в спальню.

Сюэ Бэйван как раз пытался обуться. Увидев вошедшего, он замер, словно не веря собственным глазам, и растерянно моргнул.

— Цзюэ... Молодой господин Цзюэюй.

— А ну лежать! — строго скомандовал Чэнцзюэ.

Бэйван послушно заполз обратно под одеяло и натянул его до самого подбородка, глядя на гостя виноватыми, блестящими глазами, точь-в-точь побитый щенок.

Приблизившись, Чэнцзюэ опустил на край постели. Он прикоснулся теплой ладонью к лицу юноши — пожалуй, единственному месту на его теле, не покрытому ранами. Чэнцзюэ бесцеремонно ухватил Бэйвана за щеку и слегка сжал. Тот лишь преданно захлопал ресницами, не смея издать ни звука.

Чэнцзюэ сжал пальцы сильнее, словно пытаясь оставить на коже отчетливый след.

— Надо же, какой герой, — с притворной сладостью протянул он. — Стоило на миг выпустить из виду, как молодой господин Сюэ умудрился превратить себя в кусок отбивной. Даже не знаю, какими словами выразить свое восхищение.

Бэйван смешно сморщился от боли, отвел взгляд в сторону и едва слышно пролепетал:

— Виноват...

— На словах-то ты всегда виноват, да только выводов никаких не делаешь, — Чэнцзюэ отпустил его щеку и шутливо щелкнул пальцем по покрасневшей коже.

— Да нет же, вовсе нет... — робко попытался оправдаться Бэйван.

Договорить он не успел. Он заметил ладони Чэнцзюэ — кожа на них была содрана до крови. Забыв о собственной боли, Бэйван порывисто схватил его за запястья. Он бережно поднес чужие ладони к губам и принялся осторожно дуть на ссадины, пытаясь унять жжение. Юноша хмурился так отчаянно и скорбно, словно эти пустяковые царапины пугали его куда сильнее, чем собственные глубокие раны от мечей.

Сжав зубы от переполнявшей его нежности и жалости, он прижал руки Чэнцзюэ к своей груди.

— Больно?

— Больно, — тихо отозвался Чэнцзюэ.

— Всё из-за меня... Если бы не моя глупость...

Чэнцзюэ мягко прервал его излияния:

— Руки — это ерунда. Вот когда я увидел тебя, лежащего в луже собственной крови, сердце едва не разорвалось. Стоит отвернуться, как ты уже несешься навстречу смерти. Если бы мне вовремя не прислали весть, я бы, наверное, так и ждал тебя здесь... напрасно.

Вспомнив, с каким холодным равнодушием князь Минь развернулся и ушел, оставив его на произвол судьбы, Бэйван почувствовал, как к горлу подступает ком. Он осторожно погладил теплые, мягкие пальцы Чэнцзюэ.

Еще бы немного — и они никогда больше не увиделись бы в этой жизни.

В глазах Бэйвана его спаситель был хрупким, измученным болезнями юношей. И этот слабый человек тащил его на себе шаг за шагом до самого дома. Подобную преданность невозможно было измерить или вернуть долг простыми словами.

Назови ему кто-нибудь прежде «Разделенный персик и обрезанный рукав» или намекни на «пристрастие Лунъяна», он бы без колебаний снес наглецу голову. Но теперь, сжимая в ладонях пальцы Чэнцзюэ, Бэйван понимал, что готов связать с ним всю свою жизнь.

Он склонил голову и благоговейно прижался губами к костяшкам пальцев Чэнцзюэ — точь-в-точь так же, как когда-то в придорожной гостинице сам Чэнцзюэ целовал его раненую руку.

Чэнцзюэ невольно замер. Он и представить не мог, что этот простодушный пес способен на столь смелую ласку.

Бэйван поднял глаза. В его взгляде читалась непоколебимая решимость:

— Цзюэюй, давай поженимся.

Каждое слово упало с весом зрелого решения.

От неожиданности Чэнцзюэ резко выдернул руки. Каким бы искусным актером он ни был, сейчас он был неподдельно потрясен. Он смотрел на Бэйвана так, словно тот окончательно лишился рассудка.

— Молодой господин Сюэ... что это за шутки?

Бэйван достал из-за пазухи тяжелую нефритовую подвеску и бережно вложил ее в ладонь

Чэнцзюэ:

— Мое настоящее имя — Сюэ Бэйван. Я седьмой принц царства Чэнь. Моя матушка рано ушла из жизни, и отец отправил меня в армию набираться опыта. Сюда меня привели государственные дела. Но клянусь: если ты согласишься, по возвращении на родину я устрою пышную свадьбу и введу тебя в свой дом со всеми почестями. Я сделаю всё, чтобы ты никогда ни в чем не нуждался.

В его голосе было столько искренности, что Чэнцзюэ невольно растерялся, сжимая в руках холодный нефрит. Да, он дорожил этим юношей, дорожил его бесхитростной нежностью и теплом.

«Но связать жизнь с мужчиной? Какая нелепость!»

Решив, что Чэнцзюэ колеблется, Бэйван бережно сжал его пальцы вокруг подвески:

— Клянусь тебе. Пусть ты мужчина — мне все равно. Я сделаю тебя счастливым.

Чэнцзюэ искренне замешался.

— Значит, молодой господин Сюэ предпочитает мужчин?

— С чего бы вдруг! — поспешно возразил Бэйван. — Мне не нужны другие. Будь ты хоть мужчиной, хоть женщиной — мне важен только ты. С кем-то еще это просто невозможно.

Бай Чэнцзюэ никак не ожидал такого поворота. Глядя на взволнованного Сюэ Бэйвана, он понимал, что этот порыв тронул его до глубины души. И всё же то не было настоящей любовью.

С трудом сохраняя самообладание, Чэнцзюэ мягко, но решительно вложил украшение обратно в руки принца:

— Прости, но я вынужден отказаться.

Бэйван поник. Он молча созерцал возвращенный подарок, упрямо сжав губы.

— Тебе нужно думать о выздоровлении, — ровным голосом продолжил Чэнцзюэ. — Мои чувства к тебе — это лишь привязанность названного брата или верного друга. Никакой иной страсти здесь нет. Если мои прежние слова или поступки ввели тебя в заблуждение, я искренне прошу прощения.

С этими словами Чэнцзюэ поднялся и отвесил ему церемонный, изящный поклон, какой

обычно делают благородные девицы.

Тихий, мягкий голос Чэнцзюэ эхом отозвался в сознании Бэйвана. Он перестал фальшиво улыбаться.

«Вся эта забота, нежные взгляды, вкрадчивые речи... неужели во всем этом не было ни капли ответного чувства? Неужели всё, во что он верил, оказалось лишь его глупой фантазией?»

Пальцы юноши судорожно сжали одеяло. От стыда и растерянности ему хотелось сквозь землю провалиться.

В комнате повисло тяжелое молчание. Не выдержав, Чэнцзюэ тихо спросил:

— Бэйван, ты в порядке?

Сюэ Бэйван вскинул голову и попытался небрежно усмехнуться:

— Разумеется. Спасибо, что спас меня, брат Цзюэюй. Я твой должник, и клянусь, что однажды... — Юноша осекся. Он до боли сжал кулаки, впившись ногтями в ладони, и посмотрел на Чэнцзюэ с такой отчаянной, неприкрытой нежностью, что скрывать очевидное было уже невозможно: — Нет, кого я обманываю... Цзюэюй, я люблю тебя. И с этим чувством я ничего не могу поделать.

<http://bllate.org/book/18210/1751595>